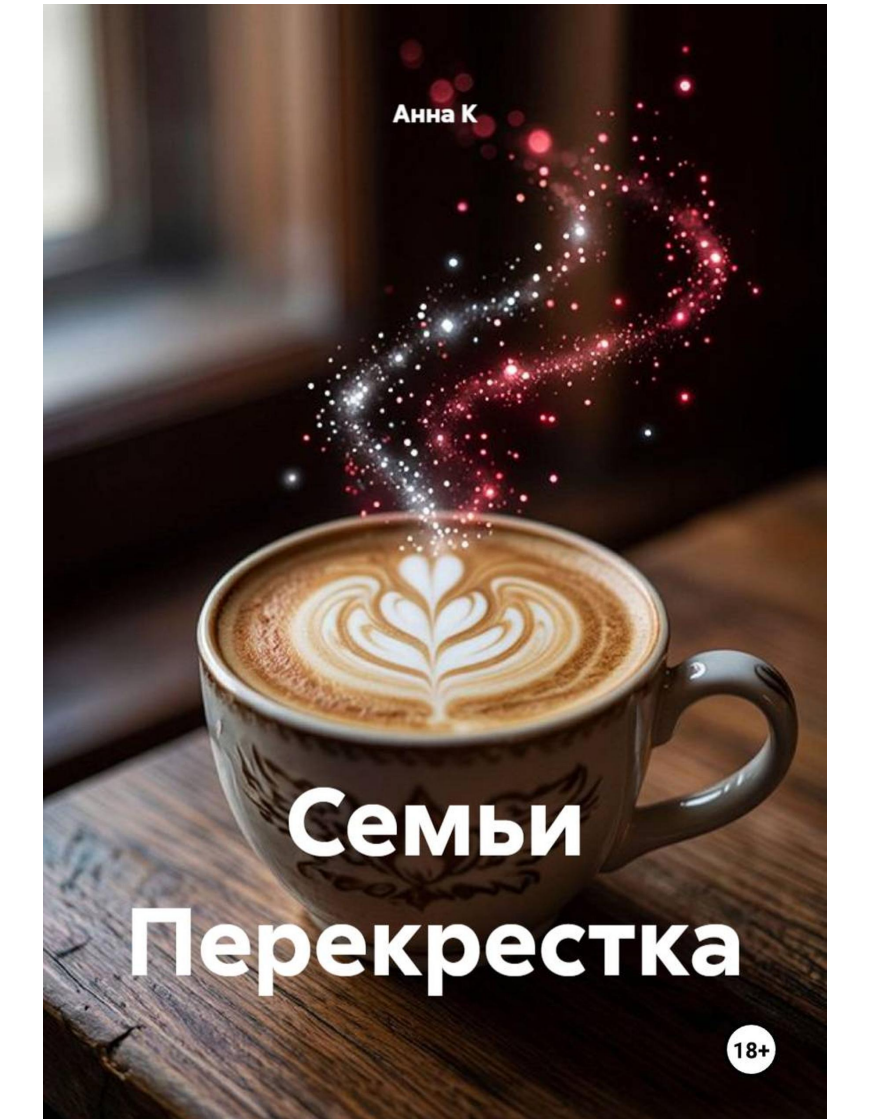

A close-up photograph of a white ceramic coffee cup with a dark handle, filled with a latte. The surface of the coffee is decorated with a white heart-shaped latte art. From the center of the heart, a vibrant trail of sparkling particles, primarily red and white, rises into the air, creating a magical, ethereal effect. The background is dark and out of focus, suggesting an indoor setting with soft lighting.

Анна К

Семьи Перекрестка

18+

Анна К

Семьи Перекрестка

<https://litres.ru/74624533>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сбежать от законов Ада и Небесной Канцелярии в человеческий Вельмонт? Две уникальные пары доказали: любовь сильнее межмирных догм, если заземлить её искренней верностью друзьям и чашечкой нежного лавандового рафа.

Зельда и Никита строят свой тихий уют в кофейне «Облако с корицей». Грей и Ауриэль обустривают Посольство Перекрестка напротив. Но когда над обеими семьями сгущаются тучи, а Небеса выставляют вокруг квартала карательную Блокаду, четырем друзьям приходится сплотиться. Чтобы выстоять, им придется переписать физику магии прямо за барной стойкой, выдержать двухсуточную осаду и запустить Великий Резонанс.

История двух семей, отвоевавших свое право на счастье у всей вселенной. Настоящее, согревающее послевкусие фэнтези-саги гарантировано!

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2	32
Глава 3.	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Анна К Семьи Перекрестка

Глава 1.

Никита и Зельда

Солнечные лучи раннего утра Вельмонта бережно пробились сквозь полупрозрачную лавандовую вуаль штор, рассыпаясь по светлым паркетным доскам спальни сотнями золотистых бликов. Комната, расположенная прямо над уютно гудящей кофейней «Облако с корицей», сегодня дышала совсем другим, особенным волшебством. К привычным и родным ароматам свежемолотой арабики, карамельного сиропа и теплой выпечки, поднимавшимся снизу, примешивался упоительный, густой шлейф из сотен свежих пионов и лавандовых веточек. Этими цветами Грей и Никита накануне вечером украсили каждый уголок.

Зельда стояла перед огромным старинным зеркалом в резной дубовой раме, едва удерживая дыхание. Сердце в груди колотилось так отчаянно и быстро, словно испуганная птица, бьющаяся о прутья клетки. Внутри нее переплетались звенящий восторг и глухой, почти детский девичьей страх.

Справится ли она? Сможет ли стать для Никиты той самой идеальной гаванью? Навсегда отказаться от бурного, непредсказуемого прошлого ради тихой земной любви — это решение казалось легким, когда Никита смущенно улыбался ей из-за барной стойки, протягивая латте с нарисованным на пенке сердцем. Но сегодня, в день их свадьбы, масштаб этого шага заставлял ее колени едва заметно подкашиваться.

Свадебное платье было произведением искусства. Нежное, цвета взбитых молочных сливок, с корсетом, расшитым мельчайшим жемчугом и едва заметными хрустальными каплями, оно облегалo ее фигуру, как вторая кожа. Пышная юбка из слоев тончайшего еврофатина мягким облаком ниспадала к полу, шурша при каждом, даже самом робком движении. Зельда коснулась тонкими пальцами открытых ключиц, чувствуя, как кожа горит от волнения.

Из-за этого бешеного внутреннего вихря ее маскировка — идеальный земной облик, который она так тщательно соткала для жизни среди людей — начала предательски подводить. Воздух вокруг ее головы едва заметно пошел рябью, заколыхался, как прозрачное марево над раскаленным асфальтом. Рубиновый отсвет скользнул по карим глазам, возвращая им на мгновение истинную, глубинную искру, а прямо у корней каштановых волос, чуть выше лба, кожа натянулась, и показались крошечные, аккуратные кончики темных глянце-вых рожек.

— Ох, глупое, глупое сердце, ну же, успокойся... — про-

шептала Зельда, зажимаясь и пытаясь сделать глубокий вдох. Воспоминание о синих, как предгрозовое небо, глазах Никиты и о сильных, покрытых татуировками руках, которые всегда так надежно обнимали ее, должно было унять дрожь, но волнение только нарастало.

В этот момент зеркало отразило, как дверь спальни бесшумно приоткрылась. В комнату скользнула Ауриэль. Ее светлый плащ, летящий и невесомый, казалось, был соткан из самого утреннего тумана, и под его мягкими складками лишь угадывались очертания прекрасных белоснежных крыльев, которые ангел бережно прятала от чужих глаз. Лицо Ауриэль светилось такой безмятежной, искренней святостью и теплом, что в комнате будто сразу стало на несколько градусов теплее.

Ауриэль мягко, почти неслышно подошла со спины. Ее тонкие, прохладные ладони легли на подрагивающие плечи Зельды. В ту же секунду по телу бывшей демонессы разлилась мягкая, убаюкивающая волна чистой светлой энергии. Она пахла весенним дождем, озоном и цветущими яблонями. Этот свет не обжигал Зельду, как когда-то в прежнем мире, — он бережно окутывал ее, словно теплое пуховое одеяло, разглаживая каждую тревожную мысль и заставляя мятежную магию покорно отступить. Прозрачная рябь исчезла, и рожки послушно растаяли под безупречной земной маскировкой.

— Посмотри на себя, — нежно, едва ли не певуче про-

изнесла Ауриэль, встречаясь с глазами подруги в отражении зеркала. На губах ангела играла ласковая, ободряющая улыбка. — Ты просто невероятная, Зельда. Настоящая королева этого дня. Почему твоя магия так отчаянно бунтует, милая?

Зельда с облегчением выдохнула, накрывая ладонь Ауриэль своей рукой, и обернулась к ней, чувствуя, как к горлу подступает комок слез — не от горя, а от переизбытка чувств.

— Я... я просто так боюсь, Аури, — тихо, ломающимся голосом призналась она, кусая губы, чтобы не испортить макияж. — А вдруг я не смогу сделать его счастливым? Вдруг моя прошлая природа когда-нибудь ворвется в наш уютный мир и все разрушит? Никита такой... такой чистый, такой земной. Он заслуживает идеальной человеческой жизни, а во мне все еще слишком много скрытых тайн.

Ауриэль тихо рассмеялась — этот звук был похож на хрустальный перезвон маленьких колокольчиков. Она ласково поправила выбившуюся из прически Зельды кудрявую прядь и заглянула ей прямо в душу.

— Милая, Никита любит именно тебя. Не идеальную земную куклу, а тебя — твою страсть, твою преданность, твое огромное, горячее сердце, ради которого ты оставила все. И поверь мне, — Ауриэль заговорщически подмигнула, — земные женщины волнуются перед алтарем точно так же. В этом нет никакой магии, это просто любовь. Ты готова. Я вижу это по твоим глазам.

Прежде чем Зельда успела ответить, в дверь негромко, но уверенно постучали три раза. Не дожидаясь приглашения, створка распахнулась, и на пороге появился Грей.

Бывший демон выглядел безукоризненно и чертовски элегантно. Черный классический смокинг сидел на нем как влитой, подчеркивая широкие плечи, а белоснежная рубашка контрастировала с его темными волосами. В петлице его пиджака красовалась точно такая же лавандовая бутоньерка, какая сейчас украшала костюм жениха внизу. Его строгий взгляд, обычно холодный и расчетливый для всех остальных, смягчился, когда он окинул взглядом комнату. Грей заложил руки в карманы брюк и оперся плечом о дверной косяк, рассматривая Зельду с теплой, истинно дружеской гордостью.

— Ну что, леди, — с легкой, привычной усмешкой произнес Грей, но в его низком голосе отчетливо слышалась глубокая нежность старого верного друга. — Хватит прятать невесту. Зельда, если ты сейчас же не спустишься, твой бариста просто упадет в обморок от предвкушения. Он измерил шагами всю кофейню вдоль и поперек уже раз тридцать, извел три пачки лучшего зерна на тестовые шоты эспresso и каждые две минуты спрашивает, не передумала ли ты. Внизу все готово. Гости собираются, магия защиты Вельмонта держится идеально. Время пришло, дорогая. Никита ждет тебя.

От слов Грея сердце Зельды совершило безумный кульбит, но теперь к страху примешалась чистая, звенящая радость. Образ Никиты, который внизу в панике портил драго-

ценное кофейное зерно от волнения, был настолько живым и родным, что остатки демонической тревоги окончательно растаяли.

— Он действительно так сильно нервничает? — с легкой улыбкой спросила Зельда, бросая последний взгляд в зеркало.

— О, еще как, — усмехнулся Грей, выпрямляясь и делая шаг в комнату. Он грациозно протянул ей согнутую в локте руку. — Поверь, его татуировки сейчас готовы побледнеть от волнения. Пойдем, успокоишь своего смертного.

Ауриэль сделала шаг назад, бережно расправляя длинный, невесомый шлейф платья Зельды. Взмахнув рукой, ангел соткала из воздуха едва заметную искрящуюся вуаль, которая мягко легла на каштановые локоны невесты, добавляя образу финальный, поистине неземной штрих.

— Мы будем прямо за тобой, — шепнула Ауриэль, ее глаза за лучились абсолютным счастьем.

Зельда глубоко вдохнула, чувствуя, как легкие наполняются ароматом пионов, и уверенно вложила свои пальцы в ладонь Грея. Каблуки туфелек цвета слоновой кости мягко застучали по паркету, когда они вышли из спальни в коридор и начали спускаться по старинной деревянной лестнице, ведущей прямо в зал «Облака с корицей».

С каждым шагом вниз до Зельды доносился гул приглушенных голосов, тихий хрустальный звон бокалов и нежная, едва слышная мелодия фортепиано, струящаяся из динами-

ков. Зал кофейни изменился до неузнаваемости. Привычные круглые столики были аккуратно сдвинуты к стенам, уступая место широкому проходу, устланному белоснежной дорожкой. По обе стороны стояли ряды стульев, украшенных пышными бантами из лавандовой ткани. Повсюду — на подоконниках, на барной стойке, в подвесных кашпо — распустились огромные шапки розовых и белых пионов, перемежающиеся с ароматными пучками свежей лаванды. Защитная магия Грея и Ауриэль мягко вибрировала в воздухе, заставляя огоньки сотен свечей гореть ровным, золотистым, невероятно уютным светом.

Когда подол платья Зельды показался на винтовой лестнице, гул голосов в зале мгновенно стих. Гости — самые близкие друзья из Вельмонта и несколько коллег Никиты — затаили дыхание. Маршал Малфас, сидевший в первом ряду в строгом, величественном темном сюртуке, едва заметно кивнул дочери, и в его обычно суровых глазах на секунду блеснула гордость истинного правителя, который видит свою принцессу счастливой.

Но Зельда не видела никого, кроме человека, стоявшего в самом конце дорожки, у импровизированного алтаря из переплетенных цветущих ветвей.

Никита.

В элегантном темно-синем костюме, который идеально подчеркивал его стройную фигуру, он выглядел непривычно строго, но так чертовски красиво. Воротник белоснежной

рубашки был слегка расстегнут — видимо, парень все-таки пытался ослабить галстук-бабочку в приступе паники. Его руки, обычно уверенно управляющие громоздкой рожковой кофемашиной, сейчас были судорожно сцеплены перед собой. На пальцах и запястьях из-под манжет виднелись контуры его любимых татуировок.

Когда их взгляды встретились, Никита, казалось, забыл, как дышать. Его лазурно-голубые глаза расширились от потрясения. Вся его нервозность, все метания последних часов испарились в одно мгновение. Он смотрел на Зельду так, словно перед ним спустилось само солнце. Его губы дрогнули в трепетной, бесконечно нежной улыбке. Он сделал произвольный шаг вперед, навстречу своей бывшей демонессе, которая ради него сотворила свое самое главное земное чудо.

Грей мягко подвел Зельду к началу дорожки, аккуратно передал ее руку Никите и, подмигнув жениху, отступил назад, занимая свое место рядом с улыбающейся Ауриэль.

Пальцы Никиты — теплые, слегка дрожащие, но такие надежные — бережно переплелись с тонкими пальцами Зельды. Внутри нее окончательно воцарился абсолютный, звенящий покой.

— Ты... ты прекрасна, Зели, — хриплым от волнения шепотом произнес Никита, не в силах оторвать от нее взгляда. — Я, кажется, разучился говорить.

— Свари мне потом самый лучший латте, и мы к этому

вернемся, — так же тихо, одними губами ответила она, чувствуя, как от его тепла по коже разбегаются приятные мурашки.

Регистратор сделал шаг вперед, раскрывая красивую папку, и зал замер, готовый слушать клятвы, которые свяжут два совершенно разных мира в одну общую, лавандовую судьбу.

Регистратор мягко улыбнулся, обводя взглядом замерший зал, и его голос, глубокий и торжественный, поплыл над притихшими рядами гостей. Но прежде чем прозвучали первые официальные слова, Маршал Малфас, сидевший в первом ряду, неторопливо поднялся со своего места.

Его величественная фигура в строгом темном сюртуке, расшитом едва заметной серебряной нитью, мгновенно приковала к себе все взгляды. От него по-прежнему веяло невероятной, вековой силой другого мира, но сейчас эта сила была усмирена и окутана глубоким уважением к выбору дочери. Малфас сделал несколько размеренных шагов вперед и остановился прямо у алтаря, глядя на замершую молодую пару.

Никита невольно выпрямился, чувствуя, как по спине пробежал легкий холодок от пристального взгляда грозного тестя, но руки Зельды не выпустил — напротив, сжал ее ладонь еще крепче, безмолвно показывая, что готов защищать ее перед кем угодно. Малфас заметил этот жест. В уголках его суровых губ промелькнула едва заметная, одобрительная тень улыбки.

— Секунду, почтенный, — негромко, но так, что голос эхом отозвался под деревянными сводами кофейни, произнес Маршал, обращаясь к регистратору. Тот почтительно склонил голову и отступил на полшага.

Малфас повернулся к дочери. Его темные глаза, в которых обычно горело безжалостное пламя судебных палат Перекрестка, сейчас смотрели на Зельду с безграничной отцовской нежностью. Он протянул свои крупные, покрытые старыми шрамами ладони и бережно взял ее за руки, отпуская на мгновение Никиту.

— Ты моя дочь, Зельда, — грохочущим, но тихим баритоном произнес он, протягивая ей свою крепкую руку, затянутую в безупречную белую перчатку. — И даже если ты променяла трон Цитадели на фартук бариста, никто в трех мирах не имеет права сказать, что Верховный Маршал не выдал свою дочь замуж как подобает Высшей.

Зельда закусил губу, чувствуя, как на глаза снова наворачиваются слезы. Маскировка на ее лбу опять едва заметно дрогнула от нахлынувших чувств, но Ауриэль из первого ряда мягко послала ей еще один успокаивающий импульс света.

— Отец... — прошептала Зельда, и ее голос дрогнул. — Я счастлива здесь. Правда.

— Я вижу это, — Малфас перевел взгляд на Никиту, и его глаза сузились, изучая земного баристу с головы до ног. Никита выдержал этот взгляд, открыто и честно смотря в ответ.

— Юноша. В твоих жилах течет хрупкая смертная кровь, а твои руки пахнут корицей и жареными зернами, а не порохом и магической сталью. Но я видел, как ты смотришь на мою дочь. Я видел, как твоя любовь умиряет ее истинный, буйный огонь, превращая его в согревающее домашнее тепло. Ты дал ей то, чего не смог дать ни один роскошный дворец в Цитадели Седьмого Пекла, — покой.

Маршал сделал глубокий вдох, и его широкая грудь вздрогнула под сюртуком. Он взял руку Зельды и вложил ее обратно в ладонь Никиты, накрывая их ладони своими сверху.

— Береги ее, Никита. Если ты заставишь ее плакать, помни, что ни одна земная стена не скроет тебя от моего гнева. Но если ты будешь любить ее так же преданно, как сейчас... у тебя не будет более верного союзника во всех мирах, чем Маршал Малфас. Будьте счастливы. Земля — ваш дом, и я благословляю этот союз.

С этими словами Малфас крепко, по-мужски сжал плечо Никиты. Парень с облегчением и глубоким уважением выдохнул, твердо ответив:

— Клянусь вам, сэр. Она — вся моя жизнь.

Малфас удовлетворенно кивнул и медленно вернулся на свое место, оставив после себя шлейф легкого аромата дорогого табака и старой магии. В зале повисла трогательная, звенящая тишина. Гости тихонько шмыгали носами, а Ауриэль мягко утирала слезы уголком своего светлого плаща, по-

ка Грей бережно обнимал ее за плечи.

Регистратор, выдержав паузу, тепло улыбнулся и раскрыл папку.

— Ну а теперь, когда благословение получено... Никита, готовы ли вы взять в жены Зельду, любить ее в радости и в печали, в земном покое и во времена любых бурь?

Никита посмотрел в сияющие карие глаза Зельды, чувствуя, как его сердце переполняется абсолютным, безграничным счастьем.

— Да, — твердо и без секундного колебания ответил он. — Готов. Сто тысяч раз «да».

Когда подол платья Зельды показался на винтовой лестнице, гул голосов в зале мгновенно стих. Гости — самые близкие друзья из Вельмонта и несколько коллег Никиты — затаили дыхание.

Маршал Малфас, сидевший в первом ряду в строгом, величественном темном сюртуке, расшитом едва заметной серебряной нитью, медленно и неторопливо поднялся со своего места. Его величественная фигура мгновенно приковала к себе все взгляды. От него по-прежнему веяло невероятной, вековой силой другого мира, но сейчас эта сила была усмирена и окутана глубоким уважением к выбору дочери. Малфас сделал несколько размеренных шагов вперед и остановился прямо у алтаря, глядя на замершую молодую пару.

В его темных, глубоких глазах, где обычно горело безжалостное пламя военных советов Цитадели и яростью Седь-

мого Пекла дышал каждый взгляд, сейчас на секунду блеснула гордость истинного правителя, который видит свою процессу счастливой.

Никита невольно выпрямился, чувствуя, как по спине пробежал легкий холодок от пристального взгляда грозного тестя, но руки Зельды не выпустил — напротив, сжал ее ладонь еще крепче, безмолвно Showing, что готов защищать ее перед кем угодно. Малфас заметил этот жест. В уголках его суровых губ промелькнула едва заметная, одобрительная тень улыбки.

— Секунду, почтенный, — негромко, но так, что голос эхом отозвался под деревянными сводами кофейни, произнес Маршал, обращаясь к регистратору. Тот почтительно склонил голову и отступил на полшага.

Малфас повернулся к дочери. Он протянул свои крупные, покрытые старыми шрамами ладони и бережно взял ее за руки, отпуская на мгновение Никиту.

— Дочь моя, — тихо произнес Малфас, и в его низком тембре прорезались непривычные, глубокие эмоциональные нотки. — Мое рубиновое пламя. Ты сделала выбор, который удивил многие миры. Ты оставила трон и силу, которые принадлежали тебе по праву рождения, ради этого маленького, тихого уголка земли.

Зельда закусила губу, чувствуя, как на глаза снова наворачиваются слезы. Маскировка на ее лбу опять едва заметно дрогнула от нахлынувших чувств, но Ауриэль из перво-

го ряда мягко послала ей еще один успокаивающий импульс света.

— Отец... — прошептала Зельда, и ее голос дрогнул. — Я счастлива здесь. Правда.

— Я вижу это, — Малфас перевел взгляд на Никиту, и его глаза сузились, изучая земного баристу с головы до ног. Никита выдержал этот взгляд, открыто и честно смотря в ответ. — Юноша. В твоих жилах течет хрупкая смертная кровь, а твои руки пахнут корицей и жареными зернами, а не пороховом и магической сталью. Но я видел, как ты смотришь на мою дочь. Я видел, как твоя любовь умиряет ее истинный, буйный огонь, превращая его в согревающее домашнее тепло. Ты дал ей то, чего не смог дать ни один роскошный дворец в Цитадели Седьмого Пекла, — покой.

Маршал сделал глубокий вдох, и его широкая грудь вздыбилась под сюртуком. Он взял руку Зельды и вложил ее обратно в ладонь Никиты, накрывая их ладони своими сверху.

— Береги ее, Никита. Если ты заставишь ее плакать, помни, что ни одна земная стена не скроет тебя от моего гнева. Но если ты будешь любить ее так же преданно, как сейчас... у тебя не будет более верного союзника во всех мирах, чем Маршал Малфас. Будьте счастливы. Земля — ваш дом, и я благословляю этот союз.

С этими словами Малфас крепко, по-мужски сжал плечо Никиты. Парень с облегчением и глубоким уважением выдохнул, твердо ответив:

— Клянусь вам, сэ.р. Она — вся моя жизнь.

Малфас удовлетворенно кивнул и медленно вернулся на свое место, оставив после себя шлейф легкого аромата дорогого табака и старой магии. В зале повисла трогательная, звенящая тишина. Гости тихонько шмыгали носами, а Ауриэль мягко утирала слезы уголком своего светлого плаща, пока Грей бережно обнимал ее за плечи.

Регистратор, выдержав паузу, тепло улыбнулся и раскрыл папку.

— Ну а теперь, когда благословение получено... Никита, готовы ли вы взять в жены Зельду, любить ее в радости и в печали, в земном покое и во времена любых бурь?

Никита посмотрел в сияющие карие глаза Зельды, чувствуя, как его сердце переполняется абсолютным, безграничным счастьем.

— Да, — твердо и без секундного колебания ответил он. — Готов. Сто тысяч раз «да».

Регистратор перевел теплый, торжественный взгляд на невесту.

— Зельда, готова ли ты взять в мужа Никиту, быть его верной спутницей, делить с ним тепло этого дома и оберегать вашу любовь вопреки любым ветрам и границам миров?

Зельда затаила дыхание. В этот миг вся ее прошлая жизнь в сияющих, но холодных залах Цитадели Седьмого Пекла показалась лишь далеким, смутным сном. Настоящая жизнь была здесь, в этих теплых ладонях Никиты, в его невероят-

ных лазурных глазах, в которых сейчас отражалось все ее будущее.

— Да, — произнесла она, и ее голос, нежный и чистый, прозвучал удивительно твердо, заставив хрустальные подвески на люстрах кофейни тихонько зазвенеть. — Да, я готова. Навечно.

Ауриэль, сиявшая от восторга, шагнула вперед, держа в руках небольшую бархатную подушечку цвета спелой лаванды. На ней покоились два кольца. Одно — лаконичное, из белого золота для Никиты. Второе — для Зельды, украшенное тончайшей гравировкой в виде переплетенных лоз и увенчанное редким рубином, который мягко мерцал в полумраке зала, напоминая о ее истинной природе.

Никита аккуратно взял золотой ободок. Его пальцы все еще немного подрагивали, когда он бережно скользнул кольцом по тонкому пальцу Зельды. В ту секунду, когда металл коснулся ее кожи, рубин на кольце вспыхнул теплым, приветственным светом. Зельда улыбнулась и в свою очередь надела кольцо на палец Никиты, чувствуя, как их общая судьба окончательно замкнулась в это идеальное кольцо.

— Властью, данной мне... — регистратор улыбнулся так искренне, словно сам был причастен к этому маленькому чуду. — Объявляю вас мужем и женой! Никита, вы можете поцеловать свою невесту.

Никита больше не ждал ни секунды. Он мягко шагнул вперед, бережно перехватывая Зельду за талию одной рукой,

а ладонью другой нежно коснулся ее щеки, убирая с лица невесомую фату. Зельда приподнялась на цыпочки, обвивая его шею руками, и закрыла глаза.

Их поцелуй был вкусом самой жизни — трепетный, бесконечно нежный, пахнувший сладкой карамелью, латте и счастьем.

В ту же секунду магия, которую Грей и Ауриэль так бережно удерживали под потолком, сорвалась с поводка от переизбытка чистых, искренних эмоций. Вся лаванда в залах «Облака с корицей» одновременно распустилась, выбрасывая в воздух облако упоительного, густого аромата. Десятки свечей вспыхнули ярче, и от них во все стороны полетели крошечные, лавандовые и золотые искорки, которые мягко кружились в воздухе, словно волшебный листопад.

Зал взорвался аплодисментами. Ауриэль счастливо захлопала в ладоши, прижимаясь к плечу Грея, который тихо рассмеялся, качая головой от такого явного проявления чувств. Даже строгий Маршал Малфас позволил себе коротко, но весомо кивнуть, одобряя этот союз двух сердец.

Никита неохотно отстранился от губ Зельды всего на пару сантиметров, соприкасаясь с ней кончиками носов. Его глаза сияли таким чистым восторгом, что бывшая демонесса поняла: ради этого взгляда она готова была бы сокрушить и построить заново сотни миров.

— Привет, жена, — прошептал Никита, и его фирменная, обаятельная улыбка баристы сделала его лицо еще прекрас-

нее.

— Привет, муж, — счастливо отозвалась Зельда, крепче сжимая его татуированные пальцы.

Когда первые оглушительные овации гостей поутихли, атмосфера в «Облаке с корицей» мгновенно сменилась на непринужденную и домашнюю. Регистратор незаметно смешался с толпой, а Грей, коротко щелкнув пальцами, запустил скрытый поток магии, который заставил стулья и алтарь мягко переместиться к стенам, освобождая центр зала для поздравлений.

Первой к молодоженам подлетела Ауриэль. Ее светлый плащ взметнулся ласковым облаком, а скрытые крылья, казалось, вибрировали от радости, создавая вокруг нее едва заметное сияние. Она крепко, со всей ангельской искренностью обняла сначала Зельду, утыкаясь носом в ее плечо, а затем и Никиту.

— Я так рада за вас! Вы просто светитесь, — Ауриэль отстранилась, держа их обоих за руки, её глаза блестели от непролитых слез счастья. — Посмотрите на эту лаванду, она расцвела от вашей любви! Такого не сотворит ни одно заклинание в Перекрестке. Никита, теперь ты официально под нашей защитой, хотя, признаться, твоя, по рассказу Грея, собственная смелость перед Маршалом меня просто покорила.

Никита смущенно почесал затылок свободной рукой, на которой чуть выше запястья красиво переплетались татуировки в виде кофейных ветвей и геометрических узоров.

— Ну, если честно, Аури, у меня в какой-то момент вся жизнь перед глазами пронеслась, — признался он с обезоруживающей улыбкой, косясь на замершего у окна Малфаса. — Я думал, если я сейчас упаду в обморок, Зельда мне этого до конца моих смертных дней не простит.

— Не простила бы, — шутливо подтвердила Зельда, ласково прижимаясь к его плечу и вдыхая родной аромат его парфюма — цитрус, терпкий мускус и легкий оттенок обжаренной арабики. Волнение полностью ушло, сменившись абсолютным ощущением безопасности. Она была дома.

Грей подошел следом, двигаясь с той ленивой, хищной грацией, которая выдавала в нем бывшего высшего демона, несмотря на безупречный человеческий смокинг. Он протянул Никите руку для крепкого рукопожатия, а Зельду мягко приобнял за талию, целуя в щеку.

— Держись крепче, бариста, — хмыкнул Грей, и в его золотых глазах заплясали ироничные, но теплые огоньки. Он по-мужски крепко пожал Никите руку. — Демонессы, даже выбравшие земную жизнь, требуют повышенного внимания, стального терпения и регулярных поставок сладкого. Но, должен признать, этот раунд ты выиграл честно. Маршал улетит обратно в свою Цитадель в твердой уверенности, что его дочь в надежных руках. А если тебе когда-нибудь понадобится совет, как совладать с неземной девушкой, — ты знаешь, где меня искать. Похоже, мне этот опыт тоже скоро пригодится.

Грей бросил мимолетный, полный скрытой нежности взгляд на Ауриэль, которая стояла чуть поодаль, и ангел кокетливо улыбнулась ему в ответ, слегка поправив воротник своего светлого плаща.

Тем временем с кухни кофейни начали выходить официанты — земные ребята, нанятые на сегодняшний день, которые были в полном восторге от «необычных спецэффектов с искрами и лавандой», списав все на дорогую праздничную пиротехнику. Они несли огромные подносы с легкими закусками: таралетками с лавандовым муссом, нежнейшими пирожными макарон и бокалами, в которых пенилось легкое шампанское.

Зельда огляделась. Ее отец, Маршал Малфас, стоял чуть поодаль, держа в руке хрустальный бокал. Его массивная фигура создавала вокруг себя зону какого-то царственного уединения — земные гости интуитивно чувствовали его колоссальную ауру и не решались подойти слишком близко. Однако Малфас не выглядел недовольным. Он внимательно изучал интерьер кофейни: деревянные балки под потолком, винтажные кофемолки на полках, мягкие диванчики лавандового цвета. В его взгляде читалось глубокое, почти философское удивление тому, как его огненная дочь смогла пустить корни в таком хрупком, но невероятно уютном мире.

Зельда мягко коснулась руки мужа.

— Пойдем к отцу? Мне кажется, он хочет сказать что-то еще, пока портал в Цитадель не открылся.

Никита согласно кивнул, перехватывая с подноса проходящего мимо официанта два бокала с искрящимся напитком, и они вместе направились к грозному Маршалу Седьмого Пекла.

— Отец, — тихо, почти благоговейно позвала Зельда, привлекая его внимание. Она сделала полшага вперед, увлекая за собой мужа.

Малфас медленно, с царственной неторопливостью поднял голову. Под его тяжелым, пронизывающим насквозь взглядом, в котором все еще угадывалась беспощадная мощь, Никита инстинктивно выпрямил спину. Смертному баристе потребовалось немалое мужество, чтобы не отвести глаз, но бокалы с шампанским в его руках не дрогнули ни на один миллиметр. Тонкие пузырьки золотистого напитка продолжали свой ровный бег, пока Никита открыто и твердо смотрел в лицо великого главнокомандующего.

Маршал Седьмого Пекла едва заметно, одним лишь легким движением подбородка, одобрительно качнул головой, по-своему, по-военному оценив выдержку и стержень этого земного парня.

— Благословение я уже дал вам перед алтарем, и от своих слов не откажусь, — грохочущим, невероятно низким баритоном произнес Малфас. Этот звук, казалось, вибрировал на самой грани человеческого слуха, и от его глубинной силы хрустальные подвески на старинных люстрах слабо, мелодично звякнули. — В Цитадели меня ждут легионы, дис-

циплина не терпит долгих отлучек, и мой личный портал откроется через несколько минут. Но перед уходом я должен завершить одно дело. Настоящее дело.

Малфас поставил бокал на столик, и тот коснулся дерева с глухим, весомым стуком. Золотые глаза Маршала сузились, впиваясь в лицо зятя.

— Юноша, у тебя ведь до сих пор хранится обсидиановый компас Грея? Тот самый, через который моя дочь связывалась с Чистилищем, когда еще металась между мирами?

Никита удивленно моргнул. Воспоминание о мрачном, тяжелом артефакте, который когда-то приносил столько тревог и едва не утянул его любимую обратно в бездну, заставило его сердце на секунду пропустить удар. Но он тут же собранно кивнул:

— Да, Лорд Малфас. Он лежит наверху, в нашей спальне, в шкатулке.

— Неси его сюда. Живо, — коротко приказал Маршал, и в его голосе звенящей сталью прорезался привычный тон командующего, не терпящего ни секундного промедления.

Никита переглянулся с Зельдой, ободряюще сжал ее пальцы, поставил бокалы на столик и быстрым, уверенным шагом направился к лестнице. Зельда осталась стоять перед отцом, чувствуя, как между ними сгущается родная, знакомая с детства энергия Пекла — жаркая, сухая, пахнувшая далеким кремнем.

Ровно через минуту Никита вернулся, тяжело дыша по-

сле быстрого бега вверх по винтовой лестнице. В его правой ладони, покоился гладкий, иссиня-черный камень древнего артефакта. Компас казался холодным, чужеродным предметом среди праздничных цветов.

Маршал протянул руку и взял компас своими крупными пальцами. Стоило Высшему демону соприкоснуться с обсидианом, как древняя вещь мгновенно признала своего истинного хозяина. Руны, вырезанные на скошенных гранях камня, вспыхнули ровным, глубоким и пугающе красивым багровым светом. Малфас прикрыл тяжелые веки, сосредотачиваясь. Воздух вокруг его ладони пошел тяжелыми, осязаемыми волнами жара. Из его пальцев в артефакт видимой струей полилась колоссальная, чистейшая темная магия — не разрушительная, но невероятно плотная, вековая.

Компас в его руке отчаянно завибрировал, издавая глухой, утробный гул, словно сопротивляясь новой воле, а затем резко затих. Багровое свечение рун смягчилось, сменившись глубоким рубиновым сиянием, и артефакт налился мягким, почти домашним, оберегающим теплом.

— Я перенастроил его, — Малфас открыл глаза и протянул компас обратно Никите. Его золотые глаза встретились с лазурными глазами бариста в упор. — Раньше это был прибор беглого изгоя, контрабандная игрушка. Теперь это официальный, защищенный лично моей подписью канал связи между Вельмонтом и Цитаделью Седьмого Пекла.

Маршал сделал шаг ближе к Никите, и его аура на секунду

подавила все остальные запахи в углу кофейни.

— Слушай меня внимательно, смертный. Если в мире людей на вас нападут Черные Оккультисты, если полезут остатки разбитого клана Баала или любая другая тварь, решившая, что земной бариста — легкая мишень... капни на этот камень каплю своей крови, юноша. Всего одну каплю. И я лично приду со своими легионами. Я пройду сквозь любые заслоны и выжгу дотла любого, кто посмеет угрожать моей дочери и её мужу. Ты понял меня?

Никита бережно принял потеплевший обсидиан, чувствуя, как сквозь него пульсирует колоссальная защита. Он твердо встретил взгляд тестя и кивнул:

— Я понял, Лорд Малфас. Спасибо вам.

Зельда, стоявшая рядом, больше не могла сдерживать бурю эмоций, бушевавшую в ее груди. Девичьи страхи, благодарность, осознание того, что отец принимает и защищает ее новую жизнь, прорвались наружу. Она всхлипнула — громко, искренне, по-земному — и, наплевав на пышный корсет и строгий этикет Цитадели, отчаянно бросилась вперед. Ее тонкие руки обвили широкие плечи отца, а лицо уткнулось в безупречную ткань его темного сюртука, пачкая серебряную вышивку счастливыми слезами.

Малфас на секунду совершенно комично замер. Великий стратег, перед которым трепетали целые миры, оказался абсолютно незащищен перед объятиями собственной дочери. Его руки в белоснежных перчатках нелепо зависли в возду-

хе, прежде чем он, вздохнув, аккуратно и очень бережно похлопал Зельду по спине.

— Ну же, тише, рубин мой... Испортишь лицо, муж решит, что я тебя обижаю, — тихо, почти ворчливо пробасил он, но в этом ворчании было столько скрытой нежности, что Зельда лишь крепче сжала объятия, прежде чем отстраниться и с улыбкой вытереть щеки тыльной стороной ладони.

Маршал отступил на шаг, поправляя обшлага сюртука.

— Береги её, бариста. Это мой самый ценный и самый важный приказ тебе на всю твою долгую или короткую жизнь, — Малфас бросил финальный, жесткий, но полный глубокого доверия взгляд на Никиту, развернулся и сделал широкий шаг в глубину кофейни, туда, где пространство между двумя стеллажами было свободным.

В ту же секунду реальность перед ним беззвучно прогнуплась. Воздух разорвался ослепительной багровой вспышкой, соткав из пустоты контуры величественных ворот Цитадели. Маршал шагнул вперед, и портал мгновенно захлопнулся, оставив после себя лишь легкий, покалывающий кожу запах озона, терпкого табака и едва заметную пыльцу расплавленного золота, медленно оседающую на лавандовые лепестки.

Великий главнокомандующий Ада ушел, оставив свою дочь под надежной защитой любви и обсидианового компаса.

Никита бережно обнял Зельду за плечи, увлекая ее в

глубь уютного угла, скрытого тяжелыми бутонами пионов. Он крепко прижал ее к своей груди, чувствуя, как под тонкими слоями шелка и фатина ее хрупкое тело постепенно перестает дрожать от нахлынувших слез. Свадебный корсет мерно вздымался, когда она делала глубокие, судорожные вздохи. Никита ласково, едва ощутимо гладил ее каштановые кудри, бережно обходя пальцами хрустальную шпильку фаты, и утыкался носом в макушку жены, глубоко вдыхая ставший родным аромат цитруса, свежей выпечки и лаванды. Он стоял так неподвижно столько, сколько ей было нужно, пока ее дыхание полностью не выровнялось, а на смену слезам облегчения не пришло абсолютное, звенящее счастье.

Обсидиановый компас, зажатый в его правой ладони, продолжал пульсировать ровным, глубоким, невероятно надежным теплом Ада, словно живое сердце Цитадели, бьющееся в унисон с их собственными.

К ним неторопливой, изящной походкой подошли Грей и Ауриэль. Грей двигался бесшумно, держа в руке полупустой бокал. Он скользнул пронизательным взглядом по зажатому в руке бариста артефакту, и его темные брови удивленно поползли вверх. В карих глазах, обычно полных скепсиса и иронии, отразилось глубокое, искреннее уважение.

— Ого, — негромко, оценивающе присвистнул Грей, покачав головой и бросив короткий взгляд на то место, где только что закрылся багровый портал. — Малфас сегодня явно превзошел сам себя. Поставить на компас личную ко-

ролевскую руну Цитадели и намертво привязать её к твоей смертной крови... Бариста, да ты теперь, считай, самое неприкосновенное лицо во всех кругах Пекла. Ни одна адская тварь в здравом уме к тебе теперь на милую не подойдет. Замучаются потом объяснять Маршалу, почему нарушили его прямой приказ, зная, КТО прилетит на этот зов.

— Это самый щедрый, самый честный и благородный поступок, на какой только способен Маршал, — тихо добавила Аурель.

Ее небесно-голубые глаза мягко, лучисто светились под теплым светом ламп кофейни, а под светлым плащом едва заметно дрогнули спрятанные крылья, отзываясь на всплеск сильной магии. Ангел ласково посмотрела на Зельду, протягивая руку и нежно касаясь ее обнаженного плеча.

— Твой отец по-настоящему любит тебя, Зельда. Намного сильнее, чем позволяют суровые законы его мира. Он полностью признал твою свободу и твой выбор. Теперь ты по-настоящему свободна.

— Я знаю, — Зельда наконец подняла лицо от груди Никиты. Она бережно, чтобы не размазать остатки туши, кончиками пальцев вытерла влажные дорожки слез со щек, и на ее губах расцвела самая счастливая, яркая улыбка, от которой ее карие глаза засияли ярче любых рубинов Цитадели. Маскировка держалась безупречно — ни намек на прежнюю дрожь или рожки. — Ну что, дорогие мои, официальная и сентиментальная часть окончена? Пора открывать свадеб-

ный банкет! Наш фирменный лавандовый раф сам себя не выпьет, а торты на кухне уже заждались своего часа.

Праздник вспыхнул с новой, безудержной и невероятной силой. Земные гости, так ничего и не заметившие за стеной из пионов и списавшие багровую вспышку портала на оригинальное световое шоу, хлынули к молодоженам с поздравлениями. Зал наполнился звоном хрустальных бокалов, громким смехом и искренними пожеланиями.

Никита едва успевал принимать тяжелые коробки с подарками, обнимать коллег по кофейне и счастливо улыбаться в камеры смартфонов. Грей незаметно забрал из его рук обсидиановый компас, ободряюще подмигнув, и унес его наверх, чтобы спрятать в безопасное место.

Заиграла живая, тягучая джазовая музыка. Ее аккорды кружились над раскидистыми шапками пионов, пучками фиолетовой лаванды и круглыми деревянными столиками, создавая ощущение абсолютной гармонии. В этот вечер в маленьком Вельмонте, в залах уютной кофейни, не было разделения на ангелов, демонов и людей. Магия любви, смешанная с ароматом свежего кофе, окончательно стерла любые границы между мирами, благословляя начало новой, лавандовой судьбы Никиты и Зельды.

Глава 2

Время плавно текло к полуночи. Шумный, звенящий вос- торгами свадебный день в Вельмонте наконец подошел к своему завершению. Последние гости, унося с собой охапки лаванды и сладкие сувениры, покинули кофейню. Грей и Ауриэль, тепло попрощавшись на пороге, растворились в прохладном ночном тумане, оставив молодоженов наедине с их новым, общим счастьем.

Никита повернул массивный бронзовый ключ в замке входной двери. Глухой, отчетливый щелчок ознаменовал начало их личной, скрытой от всего мира истории. Парень устало, но бесконечно счастливо выдохнул, привалившись спиной к прохладному стеклу двери. Он потянул за узел шелковой бабочки, окончательно расстегивая верхнюю пуговицу белоснежной рубашки, и перевел взгляд в глубину зала.

Кофейня тонула в мягком, интимном полумраке. Лишь несколько свечей в глубоких лавандовых подсвечниках продолжали лениво теплиться, отбрасывая длинные, дрожащие тени на деревянные панели стен и засыпающие бутоны пионов.

В самом центре этого затихшего королевства стояла Зельда. Стоило последнему земному замку закрыться, как мас-

кировка, которую она с таким колоссальным трудом и трепетом удерживала на протяжении всего бесконечного дня, блаженно, мягко спала с нее, словно сброшенная тяжелая вуаль. Воздух вокруг ее фигуры пошел густой, осязаемой рябью. Очертания человеческого тела начали плавно меняться, возвращая истинную, неземную грацию.

Никита затаил дыхание, завороченный этим зрелищем, которое он видел уже не раз, но которое каждый раз заставляло его сердце биться в безумном ритме. Безупречно-белая, сливочная ткань свадебного платья теперь невероятно, фантастически контрастировала с ее истинной кожей, которая налилась глубоким, манящим и сияющим рубиновым цветом. Темные каштановые локоны чуть приподнялись, и у корней волос, прямо над лбом, показались аккуратные, глянцевого, идеально отполированные кончики темных рожек — символ ее благородного происхождения. Ее карие глаза наполнились внутренним, живым золотым светом, в упор разглядывая мужа.

— Боже, Зели... — хрипло, едва слышно прошептал Никита. — Ты невероятная. Самая красивая.

Зельда мягко улыбнулась, и в ее улыбке проскользнула та самая первозданная, чарующая демоническая магия, которую она так долго прятала от людских глаз. Она сделала шаг навстречу, шурша пышными юбками.

Никита не выдержал. Он в несколько широких шагов преодолел разделяющее их расстояние. Его сильные руки, уве-

ренно и бережно легли на ее открытую талию, мгновенно ощущая колоссальный контраст. Ее рубиновая кожа была невероятно горячей, почти обжигающей по сравнению с его прохладными земными ладонями. Этот контраст сводил его с ума. Никита легко, словно пушинку, подхватил жену на руки. Зельда тихо, счастливо рассмеялась, обвивая его шею теплыми рубиновыми руками, и прижалась рожками к его виску, пока он нес ее вверх по темной винтовой лестнице, ведущей в их квартиру.

В спальне лавандовые шторы были приоткрыты, впуская внутрь бледный, серебристый свет луны Вельмонта. Никита бережно опустил Зельду на мягкие, белоснежные, пушистые шкуры их постели, но так и не выпустил её из своих объятий, словно боялся, что это хрупкое мгновение абсолютного счастья может раствориться. В полумраке просторной спальни, время словно замедлило свой ход, превращая каждую секунду в осязаемую вечность. Его пальцы, украшенные замысловатыми узорами татуировок с компасами и кофейными листьями, осторожно коснулись нежного шёлка бретелей. С тихим, едва слышным шорохом сливочная ткань платья плавно скользнула вниз, обнажая горячие, безупречные рубиновые плечи Зельды. В этот миг контраст между его прохладными земными ладонями и её согревающей, мистической кожей стал почти ошеломляющим, заставляя кровь в жилах парня бежать быстрее.

Никита чуть приподнял руку, и его пальцы медленно,

невероятно бережно очертили изящные контуры её поблёскивающих тёмных рожек. Это прикосновение было лишенным и тени страха — в нём сквозило чистое, абсолютное принятие. Зельда доверчиво вздохнула и закрыла свои золотые глаза, полностью растворяясь в его нежности. Её ресницы подрагивали, а губы приоткрылись, ловя его дыхание.

В этот момент Никита замер, глядя на неё, и его захлестнула лавина мыслей. *«Она оставила всё, — пронеслось в его сознании. — Роскошь Цитадели, трон, вековое могущество, армию своего отца — и всё ради меня. Ради нашего маленького домашнего мира в кафе. Ради этих утренних рассветов и запаха латте. Просто быть рядом со мной»*. Он смотрел на эту удивительную девушку, в которой парадоксальным образом сочетались хрупкость земной юности и колоссальная, древняя сила бездны. Внутри Никиты укрепилось непоколебимое решение: он будет защищать её. Всю свою жизнь, до самого последнего своего вдоха. И что бы не случилось, чтобы не подкинула им жизнь и какие бы испытания не пришли к ним, он станет для неё надёжной гаванью, укрывающей от любых штормов обоих миров.

Словно отвечая на этот безмолвный обет, демонический источник внутри Зельды отозвался мощным, ласковым толчком. По спальне осязаемыми, густыми волнами разошлось мягкое, баюкающее её тепло. Воздух в комнате мгновенно изменился — он стал плотным, сладким, пахнущим карамелизированным сахаром, древесной смолой и едва уловимым

ароматом цветущей ночной лаванды. Это тепло окутывало их тела, заставляя ночную прохладу за окном Вельмонта казаться чем-то бесконечно далеким и нереальным. Каждое мимолётное движение порождало мягкую оптическую рябь в пространстве, замыкая их в собственный, уединенный микрокосм.

Никита наклонился ближе, увлекая её на шёлк подушек. Его дрожащие от нахлынувшего, оглушительного счастья руки скользнули по её рубиновой талии, притягивая Зельду к себе так плотно, чтобы между ними не осталось ни миллиметра расстояния. Никита медленно смещал поцелуи ниже, прочерчивая губами невидимую дорожку по горячей рубиновой коже её шеи к ложбинке между ключицами. Каждое его прикосновение отзывалось в теле Зельды блаженной, тягучей дрожью. Её пальцы, тонкие и изящные, скользнули в его светлые волосы, слегка взъерошивая их и прижимая парня к себе ещё ближе, ещё отчаяннее.

— Моя... — прерывисто, едва слышно выдохнул он ей прямо в губы, и этот шёпот отозвался дрожью во всём теле. — Моя рубиновая принцесса. Моя жена.

— Твоя, — так же тихо, с придыханием ответила она, приоткрывая сияющие золотом глаза и впиваясь пальцами в его плечи сквозь тонкую ткань рубашки. — Навечно твоя, Никита. Чувствуешь, как горит моё сердце? Оно бьется только для тебя.

Их поцелуй, начавшийся как нежное, трепетное прикос-

новение, мгновенно перерос в глубокую, жаркую лавину страсти. Это было упоительное растворение друг в друг. Никита целовал её медленно, поминутно изучая контуры её губ, переходил к линии челюсти, спускался ниже — к пульсирующей жилке на горячей шее, заставляя Зельду шумно и сладостно вздыхать. Каждое его прикосновение оставляло на её рубиновой коже невидимые следы, вспыхивавшие крошечными золотистыми искрами её магии. Их пальцы переплелись — его сильные и её тонкие, огненные, скрепляя этот союз прочнее любых клятв перед алтарем. Они качались на волнах этой невероятной нежности, полностью затерянные в полумраке своей лавандовой спальни.

— Побещай мне... — повторила она сквозь поцелуй, и её шёпот, вибрирующий от глубоких чувств, заставил золотые искры в её глазах вспыхнуть с новой силой. — Обещай, что мы никогда не позволим обыденности стереть то, что мы чувствуем сейчас. Что этот дом всегда будет нашим личным Перекрёстком, где нет страха, а есть только мы.

Никита не ответил словами. Вместо этого он прижался губами к её ладони, целуя каждую подушечку пальцев, чувствуя, как сквозь её кожу пульсирует мягкий, обволакивающий жар.

— Обещаю, Зели. Каждым вдохом обещаю, — выдохнул он в её губы, и новый поцелуй стёр все оставшиеся мысли, увлекая их в самую глубь этой волшебной ночи.

Адское тепло, разлившееся по спальне, окончательно со-

грело каждый уголок. Оно ласково касалось деревянных балок под потолком, заставляло старинное трюмо в углу мягко отсвечивать рубиновыми бликами и убаюкивало Вельмонт за окном. В мыслях Зельды больше не было страха. Было лишь осознание: её истинная, огненная природа нашла своё идеальное отражение в лазурных глазах этого парня. А Никита, крепко сжимая её в объятиях до самого рассвета, безмолвно благодарил судьбу за то, что его руки теперь пахнут не только корицей, но и благородным рубиновым теплом его личной вселенной.

Солнечный свет просачивался сквозь неплотно прикрытые лавандовые портьеры неохотно, тонкими ленивыми полосами. Вельмонт медленно просыпался, умытый прохладной росой, но в спальне время словно завязалось в тяжелый, сладкий узел, не желая подчиняться законам земных часов.

Никита открыл глаза первым. Несколько минут он лежал абсолютно неподвижно, боясь глубоко вздохнуть. Его левая рука, полностью затекла — на ней, безмятежно уткнувшись носом в его плечо, спала Зельда. Но эта мимолетная физическая неудобность приносила ему такое острое, щемящее чувство полноты жизни, какого он не испытывал никогда прежде.

Адский жар, бушевавший в комнате ночью, к рассвету улегся, превратившись в мягкое, ровное излучение. Воздух вокруг кровати больше не дрожал оптическими волнами, но оставался удивительно теплым, сухим и по-прежнему хра-

нил в себе тонкий шлейф карамелизированного сахара и древесной смолы.

Никита осторожно повернул голову, разглядывая жену. Лучи восходящего солнца, поймав оттенок ее кожи, заставили ее плечи и шею мягко светиться, словно под тончайшим слоем драгоценной глазури. Темные глянцевые рожки, которые она так и не вернула под маскировку, уютно запутались в растрепанных за ночь каштановых кудрях. Ее длинные темные ресницы едва заметно подрагивали — Зельда находилась на той зыбкой грани между глубоким сном и пробуждением, когда сознание уже улавливает реальность, но тело все еще нежится в истоме.

Парень медленно, стараясь не шуршать простынями, приподнялся на локте. Свободной правой рукой он потянулся к ее лицу и самым кончиком указательного пальца, едва касаясь, провел по изгибу ее левого рожка. Текстура была гладкой, прохладной сверху, но хранящей глубинное тепло у самого основания. Зельда смешно сморщила нос, издала тихий, горловой звук, похожий на ворчание маленького сытого хищника, и приоткрыла глаза.

Золотые искры, пылавшие в ее зрачках ночью, теперь уступили место теплоте, янтарно-карему свечению. Она не сразу сфокусировала взгляд, но почувствовав тепло кожи Никиты, мгновенно расслабилась и потянулась к нему всем телом, утыкаясь лбом в его подбородок.

— Ты уже не спишь... — ее голос после сна звучал непри-

вычно низко, с хрипотцой, которая заставила его сердце пропустить удар.

— Не сплю. Примерно с тех пор, как солнце коснулось твоих плеч, — Никита улыбнулся, запуская пальцы в ее густые кудри и мягко массируя затылок. — Знаешь, рассматривать тебя в утреннем свете — это какое-то отдельное, непостижимое удовольствие. Ты похожа на редкую статуэтку из рубинового стекла, которую мне почему-то разрешили забрать себе.

Зельда тихо рассмеялась, и это легкое движение отозвалось волной тепла, побежавшей по ее спине. Она приподняла голову, упираясь ладонями в его грудь. Контраст между ее огненными пальцами и его светлой кожей в утренних лучах выглядел гипнотически.

— Я не стеклянная, Никита. И я никогда не разобьюсь, — она заглянула ему прямо в глаза, в которых сейчас отражалось только ее лицо. — Маскировка... мне вернуть ее? Земное утро ведь уже наступило. Нужно будет спускаться вниз, скоро приедут поставщики молока и сиропов...

Никита перехватил ее запястье, бережно прижимая ее ладонь к своему сердцу.

— Не вздумай. Хватит с нас масок. По крайней мере здесь, наверху, пока мы одни. Ты заслужила право дышать полной грудью, Зели. Пусть твои рожки остаются там, где им и положено быть — на воле.

Зельда выдохнула, и в ее взгляде мелькнула такая глубо-

кая, бесконечная благодарность, от которой у Никиты перехватило дыхание. Она придвинулась ближе, мягко целуя его в угол губ — лениво, нежно, по-домашнему, закрепляя их первый официальный семейный статус.

За окном спальни послышался далекий, приглушенный гудок автомобиля — Вельмонт окончательно вступал в свои права, напоминая о том, что реальный мир никуда не исчез. Но в этой комнате, окутанной остаточным теплом, двое влюбленных не спешили возвращаться к делам.

Никита ласково перехватил её ладонь, лежащую на его груди, и поднёс к губам, запечатлевая долгий, неторопливый поцелуй на внутренней стороне запястья, где кожа была особенно нежной.

— Ну что, моя принцесса, — негромко, с улыбкой прошептал он, и его синие глаза лукаво блеснули. — Официальный статус мужа обязывает меня подать тебе самый лучший кофе в этом городе. Но для этого нам придётся покинуть наше убежище.

Зельда притворно вздохнула, поудобнее устраивая голову на его плече и слегка задевая рожком его ключицу.

— Только если ты пообещаешь, что мы сделаем это тайно. Мне так не хочется возвращать маскировку прямо сейчас. Позволь мне побыть... просто собой.

— Каждое утро этого дома — твоё, — серьёзно ответил Никита, целуя её в макушку.

Они выбирались из постели бережно, словно стараясь

не расплескать скопившуюся за ночь негу. Никита накинул простые домашние брюки, а Зельда облачилась в просторный, мягкий миндальный халат, который на её коже смотрелся удивительно гармонично. Её босые ступни коснулись прохладных деревянных половиц, и от этого прикосновения по комнате пронёсся едва заметный, тёплый ветерок — её адская природа всё ещё лениво откликалась на внутреннее блаженство.

Их спуск по винтовой деревянной лестнице напоминал беззвучное бегство двух заговорщиков. Лестница вела прямо за барную стойку. С каждым шагом вниз они погружались в прохладную, застывшую атмосферу спящей кофейни. В пустом зале, утопающем в утренних сумерках, царило удивительное безмолвие. Привычный гул голосов, стук фарфора и шипение пароотводной трубки сменились величественным покоем. На подоконниках и столах всё ещё покоились огромные, пышные шапки вчерашних свадебных пионов. За ночь их лепестки слегка раскрылись, и теперь по залу струился густой, упоительный аромат — сладкий, с лёгкой кислинкой, переплетённый с тонкой нотой лавандового мусса.

Никита зашёл за барную стойку, чувствуя себя в своей стихии. Прохладный металл огромной рожковой кофемашины под его пальцами казался заземляющим якорем. Он нажал на кнопку включения, и тишину зала нарушил знакомый, мерный гул нагревающегося бойлера. Парень действовал неторопливо, смакуя каждое движение: насыпал в холдер

порцию свежееобжаренного зерна, аккуратно разровнял его и с глухим стуком спрессовал темпером кофейную таблетку.

Зельда бесшумно подошла со спины. Она обвила его талию руками, утыкаясь лицом между лопаток. Её тело источало ровный, согревающий жар, который мгновенно передался Никите через тонкую ткань его домашней одежды.

— Знаешь, — тихо проговорила она, глядя, как Никита вставляет холдер в группу, — в Цитадели кофе считают слишком пресным напитком. Там пьют обжигающие настои из огненных ягод, от которых перехватывает дыхание. Но то, что делаешь ты... это пахнет покоем. Земным, осязаемым покоем.

Никита обернулся в её объятиях, приподнимая её подбородок пальцами.

— Тогда давай добавим в этот покой немного твоей магии.

Он потянулся к верхней полке и достал две классические фарфоровые чашки цвета взбитых сливок. Обычно бариста прогревают посуду паром, но сейчас Никита протянул их Зельде. Она поняла его без слов. Её тонкие рубиновые пальцы ласково обхватили фарфор. Зельда прикрыла глаза, сосредотачиваясь на внутреннем источнике, и из её ладоней в толстые стенки чашек полилось мягкое, контролируемое адское тепло. Фарфор не треснул — он лишь налился глубоким, живым жаром, идеально подготавливая посуду к принятию напитка. Рубиновое сияние её кожи на секунду стало

ярче, отражаясь на металлических панелях кофемашины.

— Идеально, — прошептал Никита, принимая из её рук согретые чашки.

Он подставил их под краники, и в ту же секунду в фарфор тонкими, тягучими струями цвета темного золота полился плотный эспрессо. По кухне поплыл плотный, горьковато-сладкий аромат арабики. Никита ловким, отточенным движением взбил в питчере молоко, смешанное с лавандовым сиропом, превращая его в гляцевую, шелковистую пену, и круговыми движениями влил его в чашки, рисуя на поверхности изящные кофейные сердца.

Зельда приняла свою чашку, блаженно зажмурившись от первого же вдоха. Напиток внутри оставался невероятно горячим, подпитываемый остаточным теплом её собственных рук. Они устроились прямо там, устроившись на высоких барных стульях за стойкой, скрытые от окон огромным раскидистым кустом пионов. Кофе на вкус был мягким, с деликатной лавандовой прохладой и долгим карамельным послевкусием — вкусом их самого первого семейного утра.

— Пойдём наверх? — тихо предложила Зельда, сделав пару глотков и чувствуя, как приятное тепло разливается по телу. — Там нас ждут подарки Грея и Ауриэль. Мне не терпится узнать, что они придумали.

Никита согласно кивнул, подхватывая свою чашку, и они так же тихо, смакуя каждую минуту этого ленивого утра, вернулись в свою залитую солнцем спальню.

Шёлк подушек встретил их привычным уютом. Расположившись прямо посреди смятой постели по-турецки и поставив чашки на деревянный поднос между собой, они потянулись к прикроватной тумбочке. Там, рядом с величественно молчащим обсидиановым компасом Маршала, лежали две праздничные коробки.

Первой Зельда взяла коробку, обернутую в полупрозрачную, искрящуюся голубую ленту — почерк Ауриэль угадывался сразу. Стоило Зельде потянуть за край, как бант распался с тихим, едва слышным хрустальным перезвоном. Внутри, укутанный в мягкий белый бархат, покоился изящный кофейный сервиз. На первый взгляд он казался фарфоровым, но при ближайшем рассмотрении материал напоминал застывшее, спрессованное облако. Стенки чашек мягко, пульсирующе светились изнутри нежно-голубым светом Небесных Садов.

— Смотри, Никита, — восхищенно прошептала Зельда, бережно приподнимая одну из чашек за тонкую витую ручку. — На них гравировка в виде ангельских перьев.

Никита взял вторую чашку и из любопытства перелил в неё остатки своего рафа из обычной посуды. Стоило напиток коснуться светящегося дна, как нежно-голубое свечение сменилось лавандовым, а по комнате разлилось невидимое защитное поле. Магия Ауриэль была практичной: в этой посуде любой кофейный напиток никогда, ни при каких обстоятельствах не остывал, сохраняя ту самую идеальную темпе-

ратуру, которую задал бариста.

— Кажется, Аური решила избавить меня от необходимости вечно подогревать твой кофе, — рассмеялся Никита, восхищённо разглядывая подарок ангела.

— Теперь твоя очередь, открывай коробку Грея, — Зельда заговорщически подмигнула, кивая на второй сверток, обтянутый тяжелой, грубой кожаной бечевкой.

Никита взял нож для писем и аккуратно перерезал шнур. Плотная оберточная бумага разошлась, открывая взгляду массивный, пугающе тяжелый фолиант. Его обложка была выполнена из цельного куска матового обсидиана, окованного по краям потемневшим от времени адским железом. В самом центре красовался объемный барельеф в виде свернувшегося кольцом огненного змея.

Стоило ладони Никиты лечь на холодный обсидиан, как древний артефакт отозвался. Огненные строчки рун, вырезанные на обложке, вспыхнули глубоким багровым светом, а затем, словно признавая в смертном мужа Высшей демонессы, плавно трансформировались, превращаясь в четкие буквы на понятном Никите языке.

«Книга рецептов Седьмого Пекла», — прочитал он вслух, чувствуя, как по спине пробежали мурашки от прикосновения к истинной магии бездны.

На первом форзаце размашистым, небрежным почерком Грея было начертано: *«Бариста, не одним лавандовым рафом жив человек. Если твоя жена начнет тосковать по*

родному дому, добавь щепотку специй со страницы четырнадцать. И не бойся, твоё хрупкое земное тело от этого не сгорит. Проверено. Грей».

Зельда придвинулась ближе, заглядывая через его плечо. Никита перелистнул плотную, тяжелую страницу, которая пахла костром, сухими травами и далеким подземным ветром. На четырнадцатой странице обнаружился подробный рецепт «Огненного какао Цитадели». Строгие пропорции редкого подземного муската, рубленого стручкового чили, выращенного на лавовых полях, и темного шоколада были расписаны так детально, что Никита, как профессионал, мгновенно оценил баланс вкуса. Эта книга таила в себе секреты, способные превратить их скромное земное меню в нечто поистине уникальное.

— Похоже, Грей решил сделать из тебя лучшего оккультного кулинара этого мира, — тихо рассмеялась Зельда, утыкаясь носом в его плечо.

Утро их новой, семейной жизни, окруженное рубиновым теплом, ангельским светом и тайнами Седьмого Пекла, только начиналось, обещая превратить каждую грядущую будничную минуту в настоящее фэнтезийное приключение.

Глава 3.

Грей и Ауриэль

Весенний вечер укутал Вельмонт плотным, прохладным саваном. За высокими паноармными окнами особняка Посольства Перекрестка Миров шумел густой, методичный дождь. Крупные, тяжелые капли с ровным, убаюкивающим ритмом стучали по толстым стеклам, оставляя за собой длинные, извилистые дорожки, в которых размытыми акварельными пятнами отражались далекие уличные фонари городка. Мир людей за стенами Посольства казался сейчас удивительно далеким и призрачным.

Внутри каминного зала царил безмятежный, глубокий полумрак. Светская суeta дипломатического крыла сюда не проникала — эту комнату Грей и Ауриэль создавали исключительно для себя. В огромном очаге, выложенном из коло того дикого камня, уютно и мерно потрескивали березовые поленья. Сухая кора поддавалась пламени с негромким хрустом, выпуская в воздух тонкие струйки сизого дыма, и разливала по комнате густое, обволакивающее тепло. Здесь пахло старым сухим деревом, едва уловимым шлейфом благовоний и той особенной, озоновой свежестью, которая всегда пробивалась сквозь скрывающие особняк защитные чары во

время грозы. Золотистые блики огня лениво скользили по корешкам старинных книг на полках, по мягкому ворсу темного ковра и застывали на стеклянных гранях пустых бокалов.

Тяжелая дубовая дверь, украшенная коваными элементами, беззвучно приоткрылась, нарушая уединенную тишину. В комнату вошла Ауриэль.

Прошедшие две недели после свадьбы Зельды и Никиты превратились для канцелярии Перекрестка в настоящее испытание. Дипломатические ведомства Верхних и Нижних миров, взбудораженные столь явным и дерзким союзом смертного и Высшей демонессы, засыпали Посольство проверками, требованиями отчетов и бесконечными нотами протеста. Весь день Ауриэль провела на ногах, лавируя между ледяным высокомерием архангелов-инспекторов и язвительными выпадами адских легатов.

Она была опустошена. Её строгий, темно-синий форменный мундир с глухим воротником-стойкой и серебряным шитьем на лацканах, который обычно подчеркивал её безупречную, царственную осанку, сейчас казался неподъемным свинцовым доспехом. Жесткая ткань сковывала движения, а серебряные пуговицы словно давили на грудь, мешая сделать полный, свободный вдох. В её небесно-голубых глазах, обычно лучившихся ровным и чистым светом, застыла глубокая, свинцовая истома. *«Как же много сил уходит на то, чтобы просто сохранять видимость мира, — устало по-*

думала ангел, на секунду прислоняясь затылком к прохладному дереву закрывшейся двери. — *Смертные строят свою жизнь на интуиции и чувствах, а мы погребены под лавиной вековых правил и условностей. Хочется просто тишины...* »

Грей встретил её у самого порога. Стоило створке шевельнуться, как огромный Высший демон, чьи плечи привыкли к колоссальной тяжести боевых лат Седьмого Пекла, поднялся на встречу своей ангельской половинке. В его движениях не было суеты — лишь ленивая, кошачья грация и та глубокая, абсолютная собранность, с которой он всегда оберегал покой этой женщины. На нем была простая черная рубашка с небрежно закатанными до локтей рукавами, обнажающими сильные предплечья, покрытые сеткой старых шрамов от демонического оружия. Но сейчас в его темных, почти черных глазах не осталось и капли прежней безжалостности. Только безграничная, теплая забота.

Он подошел вплотную, обдавая Ауриэль родным, успокаивающим запахом костра и терпкого табака. Его крупные, мозолистые ладони легли на её хрупкие плечи. Бережно, стараясь не задеть растрепавшиеся серебристые локоны, Грей помог ей снять тяжелый, слегка влажный от уличной сырости плащ-оверсайз светлого песочного цвета. Его пальцы на секунду задержались на ее шее, передавая ей едва заметный импульс своего глубинного тепла, успокаивая дрожь в ее теле. Унеся плащ к вешалке, Грей вернулся, мягко взял Ауриэль за руку и усадил в глубокое, обитое мягкой тканью крес-

ло, стоявшее у самого огня.

— Ты сегодня оставила в Канцелярии все свои силы, ангел мой, — негромко, бархатистым баритоном произнес он, опускаясь на одно колено перед креслом.

Прежде чем она успела ответить, Грей протянул ей большую фарфоровую чашку, от которой поднимался густой, ароматный пар. Он заварил этот чай сам, зная наизусть все ее слабости: земная мята, сушеный чабрец, горсть лесной земляники, собранной в окрестностях Вельмонта, и щедрая ложка липового меда. Ауриэль обхватила теплую чашку обеими ладонями, чувствуя, как сквозь фарфор к ее замерзшим пальцам возвращается чувствительность. Она сделала первый, крошечный глоток, прикрывая глаза от блаженства, когда сладкое травяное тепло скользнуло внутрь, снимая первое, самое тяжелое напряжение с плеч.

— Спасибо, Грей... — тихо, почти шепотом проговорила она, открывая свои небесно-голубые глаза и доверчиво глядя на него. — Инспекторы Высшего Суда сегодня превзошли сами себя. Они три часа допрашивали меня, пытаясь выяснить, не содержит ли рецепт лавандового рафа в кофейне Никиты скрытых ментальных чар, подчиняющих людей демонам. Это было бы смешно, если бы не было так утомительно.

Грей тихо, глухо рассмеялся, и этот звук заставил пламя в камине на секунду вспыхнуть чуть ярче. Он неторопливо устроился прямо на мягком ковре у её ног, опираясь спиной

о массивную ножку кресла. Его широкие, покрытые шрамами ладони спокойно и уверенно легли на её колени, поверх плотной ткани мундира. В ту же секунду Ауриэль почувствовала, как сквозь эти ладони в её тело начинает проникать его внутренняя Тьма — не злая, не разрушительная, а плотная, обволакивающая и защищающая, словно тяжелый бархатный занавес, отсекающий все тревоги внешнего мира.

— Пусть проверяют, — лениво отозвался демон, глядя на танцующие языки пламени. — Защита Маршала на обсидиановом компасе поставлена так чисто, что они сломают об нее свои ментальные зубы. Меня больше волнуешь ты. Ты слишком много берешь на себя, Аури.

— Я просто... — она на секунду замолчала, задумчиво глядя в свою чашку. — Я смотрела на них две недели назад. На этой их уютной, пахнувшей выпечкой свадьбе. Никита и Зельда... они ведь построили что-то невероятное, Грей. Смертный парень и бывшая принцесса Ада просто закрывают двери своей кофейни и остаются в своем собственном, крошечном, но абсолютно настоящем раю. Без оглядки на Канцелярию и Цитадель. Это заставило меня задуматься. О нас. О том, какое будущее ждет нас здесь, на Земле, когда все эти проверки утихнут.

Грей молчал. Он перевел взгляд с камина на нее, погружаясь в собственные мысли. Огонь очага яркими золотистыми и рубиновыми искрами отражался в ее длинных серебристых волосах, рассыпавшихся по плечам мундира. Демон смотрел

на нее и чувствовал, как внутри него все переворачивается от этой щемящей нежности. Его жизнь, веками состоявшая из звона мечей, крови и пепла Нижних Миров, здесь, рядом с ней, изменилась до неузнаваемости. Тьма внутри него больше не искала разрушения — она искала возможности согреть и защитить этот хрупкий, светящийся изнутри источник чистоты, который сидел сейчас в кресле и согревался его чаем. Его пальцы в кармане брюк на секунду коснулись бархатных граней маленькой коробочки, которую он носил с собой уже несколько дней, но он заставил себя расслабить руку. Момент был слишком хрупким, а их тихий диалог у огня — слишком ценным, чтобы прерывать его поспешными решениями.

— Наше будущее уже здесь, ангел, — тихо ответил Грей, и его ладонь на ее колене чуть сжалась, даря абсолютную уверенность. — Мы сами пишем его правила. Каждую минуту.

Ауриэль слабо улыбнулась, ставя чашку на столик, и ласково опустила свои тонкие пальцы поверх его темной руки.

Грей не сводил с неё глаз. Свет от камина очерчивал её мягкий профиль, делая серебро волос почти прозрачным, нимбом светящимся на фоне тёмной красной обивки кресла. Его ладони на её коленях оставались недвижимыми, но тепло Тьмы, которое он пропускал сквозь ткань её мундира, пульсировало в такт его собственному сердцу — размеренно, плотно, надёжно.

— Земля меняет нас, правда? — тихо спросила Ауриэль,

нарушая затянувшееся молчание. Она повернула голову к нему, и в её лазурных глазах отразились отблески тлеющих березовых поленьев. — Раньше, в Небесных Садах, всё казалось таким... предрешённым. Каждое утро начиналось со строгого славословия, каждый шаг был выверен до миллиметра вековыми догматами. Там не было места сомнениям. Но там не было и этого.

Она мягко повела рукой, указывая сначала на камин, затем на окно, за которым продолжал неистовствовать весенний ливень, и, наконец, её пальцы снова вернулись к его широкой ладони, ласково погладив шрам у основания большого пальца.

— Здесь, среди людей, всё такое хрупкое, мимолётное. Они живут так недолго, но умудряются за свои короткие десятилетия почувствовать больше, чем некоторые ангелы за тысячелетия службы. Никита... он ведь обычный смертный. Когда он смотрел на Маршала Малфаса, его душа буквально трепетала от первобытного ужаса перед мощью. Я видела это, Грей. Его аура сжималась, как испуганный воробей. Но он не отступил ни на шаг. Он крепче сжал руку Зельды и остался стоять. Земная любовь даёт им какую-то безрассудную, почти слепую силу.

Грей слушал её, и на его губах играла едва заметная, горьковато-нежная усмешка. Он перевёл взгляд на пламя, где один из углей с тихим щелчком раскололся, выбросив вверх сноп крошечных золотых искр.

— Смертные знают, что у них мало времени, ангел, — негромко отозвался он. Его низкий баритон в тишине комнаты звучал как глухой рокот просыпающегося вулкана, но в нём не было угрозы — только вековая мудрость существа, видевшего слишком многое. — Когда ты знаешь, что твоё бытие оборвётся через каких-то пятьдесят-шестьдесят лет, ты не станешь тратить три века на размышления о том, стоит ли подходить к понравившейся девушке. Ты просто берёшь холдер, варишь ей латте и надеешься, что она не испепелит тебя своим истинным обликом. Это безрассудство — их главное оружие. И, признаться, оно заразительно.

Он замолчал, чувствуя, как бархатная коробочка в кармане брюк буквально жжёт ему кожу сквозь тонкую ткань. Мысль о том, чтобы прервать этот разговор, вытащить кольцо и разрушить эту умиротворяющую тишину своим признанием, казалась почти кощунственной. Грей, который никогда не колебался на поле боя, сейчас испытывал самый настоящий, чисто человеческий трепет. Он боялся. Боялся спугнуть то абсолютное доверие, с которым Ауриэль смотрела на него. Она видела в нём свою защиту, свой покой на этой чужой для них Земле. А он хотел стать для неё кем-то гораздо большим. Хотел, чтобы этот особняк Перекрёстка перестал быть просто Посольством, а стал их собственным, вечным домом.

— Ты думаешь, мы сможем так же? — Ауриэль наклонилась чуть вперёд, её серебристая прядь скользнула с плеча,

едва коснувшись его щеки. В её голосе прорезалась непривычная для сильного дипломата уязвимость. — Сможем просто... жить? Забыть о Высшем Суде, о вечном противостоянии Света и Тьмы. Просто просыпаться под шум весеннего дождя в Вельмонте, зная, что нам никуда не нужно спешить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.